

Таким образом, причины борьбы с расколом были сформулированы руководителями этой борьбы в понятиях, так сказать, религиозно-политических, как они осознавались в ту эпоху. Однако социальное содержание этих понятий является достаточно очевидным. Уже в XVIII в., после вековой жесточайшей борьбы с расколом, когда Екатерина II предприняла реформы, несколько облегчающие экономическое и политическое положение раскольников, оказалось возможным со стороны государственной церкви откровенно разъяснить в печати классовые причины многолетних противораскольнических репрессий. С «увещанием» к раскольникам по поручению царицы обратился митрополит Платон, который писал прямо: «... за веру вас не гонят, а посылают по вас команды (воинские части, — А. Р.) для того, что вы, убегая в леса, государю служб не служите, даней не платите, земель не пашете, дома свои сродников и помещиков оставляете, и для того государи наши ... посылают по вас команды не с тем, чтоб за веру мучить, но чтоб вас возвратить на прежния жилища».²⁷ Платон пояснял далее, что когда раскольники подвергаются наказаниям со стороны царской власти, то наказываются они «не за старую веру, но за смущение, не яко староверы, но яко возмутители государственныхя».²⁸ Иначе говоря, последовательная принадлежность к расколу относилась здесь к разряду политических преступлений.

*

В буржуазной историографии существовало мнение о «пассивном» характере движения раскола. Особенно ясное выражение оно имело в формулировке Д. И. Иловайского, который писал, что «суровый, деспотичный характер московской государственности встретился с не менее суровым, крайне тягучим и самоотверженно страдательным (пассивным) сопротивлением, — черта, также вполне присущая русскому народному характеру».²⁹ Позже была сделана попытка связать представление о «пассивности» раскола с социальными проблемами: «стихийное эсхатологическо-искупительное движение, не взирая на его чисто пассивный характер, грозило государству не менее, чем открытая вооруженная борьба. Тяглец уходил за пределы досягаемости, оставляя помещика голодным, а казну пустою».³⁰

Это представление о «пассивности» раскола (в изучаемую эпоху) нуждается в дальнейшем пересмотре.

Вопрос о характере социального и идеологического протеста раскола XVII в. против установлений государственной церкви и власти имеет близкое отношение к оценке идеологии Аввакума. Согласно новейшему мнению, в лице Аввакума «демократ и бунтарь вступает в резкое противоречие с проповедником кротости и аскетизма».³¹ Подобное противопоставление едва ли правомерно по двум причинам. Во-первых, проповедь аскетизма у Аввакума не противоречит тому, что он был демократом, а как раз является следствием этого, отражая народный протест против неаскетической жизни «толстобрюхих» и «толсторожих» (291) духовных феодалов, для которых, как писал Аввакум, «богом» стало их «чрево»

²⁷ Увещание старообрядцам в утверждение в надежду действия и любви евангельския. СПб., 1765 (далее: Увещание), л. 95 об.

²⁸ Там же, л. 99.

²⁹ Д. И. Иловайский. Окончание дела о Никоне и начало раскола — Кремль М., 1904, № 19—20, стр. 6.

³⁰ Н. М. Никольский, стр. 163

³¹ Н. С. Сарафанова, стр. 390